

Год 5-й

2003–2008

ХРИСТИАНСКИЙ ВОСТОК

СЕРИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗУЧЕНИЮ
ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЗИИ И АФРИКИ

ТОМЪ 5 (XI)

НОВАЯ СЕРИЯ

Издание Российской академии наук
и
Государственного Эрмитажа

Издательство «Индрик»
Москва
2009

А. А. Долинина

ИЗ ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ БИБЛИОГРАФИИ ТРУДОВ В. В. БАРТОЛЬДА

Говоря о научно-организационной деятельности И. Ю. Крачковского, о выдвижении им актуальных научных проектов и о мерах по их реализации, о поддержке чужих полезных инициатив, мы часто не представляем себе, сколько на это тратилось времени, сил и нервов, особенно в те непростые годы, когда ему довелось жить и работать. Примером тому может служить история составления и издания «Аннотированной библиографии трудов В. В. Бартольда», которая вышла в свет в 1976 г.

Несколько слов о составителе Библиографии. Иван Иванович Умняков (1890—1976) окончил Факультет Восточных языков в 1914 г.; он учился у В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, В. А. Жуковского и других известных востоковедов. По окончании Университета он в течение двух лет проходил специальную подготовку в Учебном отделении МИД и в 1916 г. был направлен в Российское Политическое агентство в Бухаре в качестве драгомана, секретаря и управделами. Службу в Бухаре он продолжал некоторое время и после Октябрьской революции, когда Политическое агентство было преобразовано сначала в Российское Резидентство, а затем в Полпредство РСФСР. С 1920 г. Умняков начинает преподавание в Туркестанском Восточном институте и в дальнейшем вся его жизнь связана со Средней Азией: он был доцентом Ташкентского университета и пединститута, Самаркандского университета, научным сотрудником Среднеазиатской Государственной библиотеки и Централжива. Помимо Библиографии трудов В. В. Бартольда ему принадлежат около 70 научных работ, посвященных преимущественно истории Средней Азии.

Этот плодотворный среднеазиатский период деятельности И. И. Умнякова был разорван лакуной в 7 лет, причиной которой, как видно, были арест и ссылка на Север. Об этом он осторожно упоминает в официальной автобиографии, написанной в 1948 г.:

«В годы 1932—1939 я не работал в вузах по независящим от меня обстоятельствам, проживая в Архангельске и Старой Руссе»¹.

В издательском предисловии к Библиографии сказано, что Умняков начал собирать материал для нее еще при жизни В. В. Бартольда, а в середине 30-х гг. уже вплотную взялся за составление полной аннотированной библиографии. В предисловии автора говорится, что в 1940 г. эта

¹ Рукописный экземпляр автобиографии И. И. Умнякова хранится в архиве И. Ю. Крачковского (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, фонд 1026, опись 1, ед. хран. 420, л. 16).

работа была закончена — то есть он и в ссылке продолжал трудиться над библиографией, хотя, по его словам, ему пришлось там переключиться на работу не по специальности. Почему же таким долгим оказался путь этой книги к читателю?

На этот вопрос в издательском предисловии ответ дан краткий и глухой: «На первых порах необходимость издания ... осознавалась не всеми: у книги нашлись как сторонники, так и противники, и только авторитетная поддержка акад. И. Ю. Крачковского, ставшего ответственным редактором книги, сделала возможным ее завершение». Далее говорится, что изданию уже набранной в 1940 г. книги помешала война, но корректура ее сохранилась. Однако возобновить вопрос об издании «стало возможным лишь в 1957 г., когда началась подготовка к изданию собрания сочинений В. В. Бартольда»².

Расшифровать, хотя бы частично, эту краткую информацию позволяет переписка составителя библиографии с И. Ю. Крачковским, длившаяся с некоторыми перерывами с 1930 г. (т.е. с года смерти Бартольда) по декабрь 1950 г.

После кончины И. Ю. Крачковского (24.I.1951 г.) И. И. Умняков по просьбе В. А. Крачковской переслал ей письма И. Ю. Правда, сохранились они не полностью: в частности, отсутствуют письма с начала переписки до 30.XI.1937 г. — можно полагать, что по крайней мере часть писем была изъята при аресте, а часть пропала при переездах или могла быть уничтожена самим И. И. Умняковым на всякий случай, чтобы не подводить адресанта; есть и еще кое-какие лакуны. Но и в таком неполном виде переписка занимает более трехсот листов, по большей части исписанных с обеих сторон; она хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (фонд 1026, опись 3, един. хран. № 36 — письма И. Ю. Крачковского и № 906 — письма И. И. Умнякова)³.

Большой объем материала не позволяет привести письма целиком. Я ограничусь лишь теми выдержками, которые непосредственно касаются бартольдовской Библиографии.

Итак, 1930—1937 годы — монолог И. И. Умнякова (напомню, что ответы, написанные И. Ю. Крачковским в этот период, не сохранились).

В одном из первых писем И. И. Умняков благодарит своего корреспондента за опубликованный им в «Вечерней Красной газете» некролог В. В. Бартольда и с горечью рассуждает о предвзятом отношении официальной советской историографии к трудам этого замечательного ученого:

² И. И. Умняков, Аннотированная библиография трудов В. В. Бартольда (М., 1976) 5.

³ В дальнейшем ссылки на эту переписку даются в тексте в скобках с указанием номера единицы хранения и листов.

2 ноября 1930 г. Ташкент.

Других некрологов в столичных газетах мне читать не пришлось. Да повидимому их больше и не было. Со смертью Бартольда как-то разом оборвалась связь с академическим центром, потерял смысл ряд намеченных работ, представляющих интерес в наше время, пожалуй, только для покойного. Теперь от историков требуют другого! Что меня особенно угнетает, так это «преследование» Бартольда как у вас в Ленинграде, так и у нас в Ташкенте. О выступлении Боровкова⁴ мне писали. В Ташкенте таких открытых выступлений пока не было, насколько мне известно, но нажим сверху в смысле «отказа» от Бартольда был официально сделан. После этого помещать некролог Бартольда в бюллетене САГУ⁵ я уже не рискнул, боясь получить отказ, воспользовался приглашением и послал его для печати в Казань. Я думаю, что гонения на труды Бартольда... можно объяснить лишь тем, что сами гонители совершенно их не знают и не могли понять идеологии В. В. (906, 10–11).

16 января 1932 г. Ташкент.

Продолжаю собирать материалы для составления по возможности полной библиографии работ В. В. Бартольда. Не знаю, возможно ли будет теперь где-то напечатать эту работу. (906, 17)

10 сентября 1933 г. Архангельск.

Я не оставляю мысли при первой возможности продолжить и закончить свою работу по составлению библиографии трудов В. В. Бартольда по образцу библиографии Иг. Гольдциера⁶. (906, 21)

18 мая 1934 г. Архангельск.

Не без Вашего, разумеется, содействия получил я на днях от секретаря редакционной ячейки Института Востоковедения предложение напечатать в очередном номере «Библиографии Востока» составляемую мною библиографию трудов В. В. Бартольда. Прежде всего спасибо за рекомендацию: более подходящего органа для печатания такой работы и придумать трудно. Но вся беда в том, что эта работа далеко еще не закончена... Как всякого рода библиографическая работа она требует весьма пунктуального выполнения. Кроме того, я имею в виду не только дать... полный перечень работ В. В., но если не все, то наименее известные и труднодоступные

⁴ Боровков Александр Константинович (1904—1962) — тюрколог, научный сотрудник АН Узбекской ССР и ИВАН СССР. О каком его выступлении идет речь, мне установить не удалось.

⁵ САГУ — Среднеазиатский государственный университет.

⁶ Игнатий Гольдциер (1850—1921) — венгерский арабист-филолог и исламовед. Библиография его трудов, составленная В. Хеллером, учеником И. Гольдциера, содержит подробные аннотации и резюме работ ученого В. HELLER, *Bibliographie des ouvrages de J. Goldziher* (Paris, 1927)).

работы снабдить краткими аннотациями. Все это говорит о том, что скоро ее подготовить к печати не представляется возможным, и потому вряд ли она может быть помещена в очередном номере, если он уже подготовлен к печати. Во всяком случае, предложение ее напечатать послужит для меня стимулом приготовить ее к печати под Вашей реакцией. В этом смысле я отвечал и тов. Скачкову⁷. (906, 40)

19 июля 1935 г. Старая Русса.

На днях получил письмо от П. П. Иванова⁸, в котором он пишет, что Скачков, потерявши, повидимому, всякую надежду на получение от меня библиографии трудов Бартольда, намерен поручить эту работу другим лицам. Сегодня отправил Скачкову большое письмо с изложением плана моей работы и с сообщением того, что мною уже сделано. Сейчас занимаюсь только ею, оставив в стороне все прочие работы. Даже и при таком положении вещей я раньше осени вряд ли успею ее закончить, так как могу уделять ей сравнительно немногие часы досуга. Если Скачков больше ждать не может, он, конечно, вправе поступить так, как найдет более целесообразным. Мне не хотелось бы упустить эту работу из поля моего зрения. Скачков предлагает прислать то, что мною уже сделано, с тем, чтобы недостающее было дополнено и закончено в Институте другими. Если бы моя библиография состояла лишь в простом перечислении всего того, что было Бартольдом написано, то с этим предложением можно было бы согласиться. Я же ставлю себе более широкую задачу: снабдить аннотациями все книги, статьи и даже рецензии Бартольда; кроме того, предполагаю дать алфавитный список заглавий описанных Бартольдом мусульманских рукописей. Такого рода работа, по моему мнению, должна быть выполнена одним лицом. (906, 63–64)

26 июля 1935 г. Старая Русса.

Продолжаю работать над Бартольдом; в связи с этим писал Скачкову, но, к сожалению, ответа от него не получил. Закрываю, что его молчание есть знак согласия на мои условия. (906, 67)

И далее, сообщая И. Ю. Крачковскому в письме от 22 сентября 1935 г., что он возвращает ему использованные им в работе отгиски статей Бартольда, которые И. Ю. посылал ему в Руссу, И. И. Умняков заключает:

⁷ Скачков Петр Емельянович (1892—1964) — историк Китая, научный сотрудник ИВАН. В 30-е годы занимал пост заместителя директора Института. 12 февраля 1937 г. был арестован и пребывал в заключении с перерывами до 1955 г. См.: Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период / Изд. подг. Я. В. Васильков и М. Ю. Со рокина (СПб., 2003) 352–353.

⁸ Иванов Павел Петрович (1893—1942) — востоковед-историк Средней Азии, научный сотрудник ИВАН.

«Полагаю, что они едва ли пригодятся т. Пономареву, которому, как мне передавали, поручено составление библиографии работ Бартольда». (906, 70)

4 октября 1935 г. Старая Русса.

Библиографию работ Бартольда закончил, получился довольно объемистый *volum.* Теперь занят перепиской и редактированием. Любопытно, как справится с аналогичной работой неориенталист Пономарев. (906, 73)

23 декабря 1935 г. Старая Русса.

Одновременно с письмом посылаю на Ваше усмотрение мою рукопись о трудах В. В. Бартольда. В рукописи, как Вы увидите, встречаются пустые места, которые не могли быть заполнены без проверки с текстом оригинала. Мне думается, что о характере работы в целом можно будет судить по тому, что уже сделано.

Сроки для ее выполнения давно прошли. Мой конкурент, вероятно, уже выполнил порученную ему аналогичную работу. Возможно, что его работа уже прошла все необходимые инстанции и принята Институтом к печати. Если это так, убедительно прошу Вас написать мне об этом, а рукопись придержать у себя до моего приезда в Ленинград в январе. Если же, паче чаяния, моя работа будет принята к печати (этим я буду обязан только Вам), то я во время своего пребывания в Ленинграде заполню пустующие места, составлю указатели и дам список мусульманских рукописей, встречающихся в работе. Как почти во всякой большой работе библиографического характера, моя работа, конечно, не свободна от пробелов и промахов. Так, например, газетные статьи Бартольда, не имеющие отношения к научным вопросам, в мою работу не вошли... В своих резюме я стремился передать основные мысли автора и быть по возможности объективным, совершенно уклоняясь от критики взглядов автора, так как это последнее не входило в мою задачу. Резюмировать работы Бартольда — вещь нелегкая и в этом отношении может быть широкое поле для критики и даже упреков в субъективном подходе... Я стремился в резюме передать основные мысли автора словами самого автора, схватить, так сказать, идею, вложенную в ту или иную работу, оставляя в тени детали, нередко весьма существенные... В ограждение моих интересов, очень прошу Вас, глубокоуважаемый Игнатий Юлианович, устроить так, чтобы содержимое рукописи не было бы использовано моими недоброжелателями, а сама рукопись выброшена вон, как ненужная вещь.

Буду рад видеть в Вашем лице строгого и справедливого судью над моей работой. (906, 74–76)

7 января 1936 г. Старая Русса.

Искренне Вас благодарю за хлопоты, заботы и ограждение моих интересов. Если моя библиография когда-либо появится в печати, этим я

буду главным образом обязан Вам. Мне хотелось бы, чтобы предисловие к ней было написано Вами. (906, 78)

12 июня 1936 г. Старая Русса.

Посылаю на Ваше имя законченную «Библиографию» трудов В. В. Бартольда. Выполнение работы сильно задержалось по многим обстоятельствам. Очень прошу Вас откровенно о ней высказаться и, если она заслуживает опубликования в ее теперешнем виде, не откажите в любезности продвинуть ее вперед. Я уверен, что без Вашего содействия работа едва ли увидит свет. (906,80)

20 июня 1936 г. Старая Русса.

Благодарю Вас за отзыв о моей работе и внесенные Вами в рукопись некоторые изменения. От Скачкова пока ничего не имею. (906, 82)

Летом или в начале осени 1936 г. Умнякову удастся вырваться в Ленинград. Он приезжает с первоначальной целью заполнить некоторые лакуны в присланной ранее рукописи Библиографии, но, очевидно, обстоятельства складываются так, что он решает забрать рукопись из Института совсем.

26 ноября 1936 г. Старая Русса.

В день своего отъезда из Ленинграда я отправился в ИВАН с тем, чтобы взять обратно свою рукопись. Причины, побудившие меня к этому, я Вам сообщил при свидании с Вами. Однако дело повернулось иначе. Под давлением разговора с Муратовым⁹ и Скачковым и не желая ссориться с Институтом (просьба выдать мне рукопись рассматривалась как факт до некоторой степени враждебный с моей стороны), я оставил рукопись в Институте и тогда же, по предложению Скачкова и Мурагова, написал заявление на имя директора с просьбой о выдаче мне 60% гонорара... По словам Скачкова, выдача гонорара обязывает Институт рано или поздно напечатать работу. Получил формальную расписку о приеме рукописи и словесное заверение, что работа будет напечатана, как только прояснится горизонт, никем не будет использована и авторское право остается за мною. Откровенно говоря, такой поворот дела не произвел на меня приятного впечатления, но я подчинился этому по тактическим соображениям.

Недели три назад написал Скачкову с просьбой откровенно мне сообщить о положении дела, указав при этом, что теперь я не имею ни рукописи, ни гонорара. Ответа на мое письмо не последовало...

⁹ Муратов Хасан Исхакович (1905—1942?) — историк Турции, научный сотрудник ИВАН. С 1936 г. был ученым секретарем ИВАН, при этом фактически совмещал функции зам. Директора по научной работе, заведующего редакционно-издательским отделом и парторга. Организатор репрессий в ИВАН в 1936—38 гг. См.: Люди и судьбы... 274—275.

В откровенном разговоре со Скачковым мне был сделан намек, что после 25 ноября есть надежда на просветление горизонта в Институте. Не желая разубеждать моего собеседника, я не ответил ему словами Фауста, обращенными к Вагнеру в сцене за городскими воротами: «Надеждою живут ничтожные умы»...

Молчание Института наводит меня на грустные размышления. Очень прошу Вас, Игнатий Юлианович, выяснить интересующий меня вопрос о рукописи, если это Вас не затруднит и не причинит неприятности. Откровенно Вам скажу, что мне очень не хотелось бы передавать мое дело гласности в печати, так как от этого пострадал бы только Институт и прежде всего его директор, весьма оберегающий свою репутацию. Работа была начата по предложению Института, поддержана Президиумом АН (у меня имеются соответствующие документы), и теперь, когда работа выполнена и сдана в Институт, последний всячески старается игнорировать автора работы. Все это, конечно, говорит не в пользу Института и его руководителей. Простите за откровенное выражение своих мыслей. Всякому терпению есть предел. (906, 89–90)

18 декабря 1936 г. Старая Русса.

Благодарю Вас за совет, которым я воспользовался и написал большое письмо на имя секретаря Института тов. Муратова. Кратко изложив историю вопроса и обязательства, принятые обеими сторонами, я категорически потребовал закончить мое дело — или вернуть мне рукопись, или выслать гонорар с гарантией, что рукопись будет издана в течение 1937 г. Без этой гарантии рукопись оставить не могу.

Мною указан крайний срок — 20 декабря. Сегодня уже 18-е, но никакого ответа из Института не имею. Повидимому, Институт решил вести дело на оттяжку и упорно молчать.

Дружески прошу Вас дать мне совет, как действовать дальше. Я отнюдь не желаю Вас втягивать в это неприятное дело и если обращаюсь к Вам за советом, то только потому, что Вы гораздо лучше, чем я, знаете положение дела в Институте на сегодняшний день... Мне не хотелось бы выносить сор из избы, но и сдавать позиции без боя я не намерен. В этом деле я ничем себя не запятнал и бояться мне нечего.

P. S. Если Институт в конечном итоге мне рукопись о Бартольде вернет, то я буду очень просить Вас не отказать в любезности дать мне о ней Ваш отзыв. Он очень пригодился бы мне в переговорах о ее напечатании. Если дать отзыв Вас не устраивает, то заранее заверяю Вас, что никакого охлаждения с моей стороны не последует. (906, 92–93)

3 января 1937 г. Старая Русса.

Меня до глубины души возмущает отношение ИВ. Впервые приходится иметь дело с ученым учреждением, которое с такой легкостью относится к своим обещаниям и словам. Пока что слышу один обман.

На мое категорическое письмо, о котором я Вам уже писал, мне официально было отвечено, что гонорар на днях будет выслан. На этот раз письмо было подписано уже не Муратовым, а секретарем ИВ — Петропавловой. Частенько там, однако, меняется секретарь! Я ответил, что вместе с гонораром прошу дать мне гарантию, что рукопись будет издана в 1937 г., а в противном случае отказываюсь от гонорара и прошу вернуть рукопись. На это письмо ответа не последовало. (906, 95)

В январе 1937 г. И. И. снова получил возможность ненадолго приехать в Ленинград и встретиться с ученым секретарем ИВ АН. И. Ю. Крачковский в это время в Ленинграде отсутствовал. О результате переговоров И. И. Умняков сообщает ему в одном из последующих писем:

9 апреля 1937 г. Старая Русса.

В ИВАН'е видел ученого секретаря, который при свидетелях заверил меня, что моя работа в следующем номере «Библиографии Востока» будет напечатана. Нелегко мне беседовать в стенах ИВАН'а с его руководителями, к которым, к несчастью, совершенно потерял доверие и даже уважение. Подожду до осени, а там посмотрим. В январе перед самым моим отъездом в Ленинград получил часть гонорара за работу. (906, 97)

Далее эпистолярный монолог превращается в диалог. Вступает второй голос — Игнатия Юлиановича.

Крачковский, 30 ноября 1937 г. Ленинград.

Рукопись Вашей библиографии, по словам Муратова, пропала; он говорил, что писал Вам об этом, но я вижу, что Вы не знаете. По его словам поиски продолжаются; при постоянной смене заведующих издательством ИВ (после того, с которым Вы беседовали, теперь уже четвертый!) это, конечно, неудивительно, но самый факт возмутителен и невероятен. (36, 1 об.–2)

Умняков, 1 декабря 1937 г. Старая Русса.

За два дня до Вашего письма я получил от Муратова официальный запрос: где находится моя рукопись, если она в ИВ, то кому из сотрудников я ее передал. Вчера отправил ему ответ, в котором писал, что рукопись еще в октябре 1936 г. была мною под расписку сдана П. Е. Скачкову. Немало удивлен его запросом. Это было для меня полнейшей неожиданностью. Сильно упрекнул Дирекцию за небрежное отношение к рукописным материалам и поставил ультиматум: найти во что бы то ни стало мою рукопись и дать письменную гарантию, что она будет напечатана в ближайшем номере «Библиографии Востока». В противном случае дело передаю в вышестоящие организации. Срок определен 15 декабря. Я предвижу, что мое письмо вызовет бурю возмущения среди руководителей Института. Если до 15 декабря я не получу удовлетворительного ответа, я решил обо всем прежде всего написать в Президиум АН, а в случае надобности

передать дело гласности в печати... Я знаю, что на мою рукопись зарисовались некоторые лица, но не знаю, квалифицировать ли исчезновение рукописи как своеобразный акт вредительства или тут мы имеем дело с воровством с целью использовать материал рукописи для другой работы. Хрен редьки не слаще!

В письме к Муратову, между прочим, напомнил наш с ним последний разговор, во время которого он дал мне честное слово при свидетелях, что моя работа будет напечатана в № 11 «Библиографии Востока». Не знаю, откажется ли он теперь от честного слова коммуниста или его подтвердит. Во всяком случае буду терпеливо ждать ответа до 15/XII, а потом начну действовать дальше. Очень просил бы Вас, если при встрече с Муратовым он Вам скажет, что работа нашлась, убедиться в этом собственными очами. Я им, по правде говоря, мало верю. (906, 106–107)

Крачковский, 27 декабря 1937 г. Ленинград.

Сегодня заведующая канцелярией ИВ сказала мне, что Ваша рукопись нашлась будто бы в столе Александра Николаевича¹⁰, который до сих пор не открывали. Так как я сам ее не видел, то, памятуя Ваши слова, сообщаю это sous toute reserve¹¹. (36, 6)

Умняков, 29 декабря 1937 г. Старая Русса.

Спасибо за сообщение о находке моей рукописи, хотя это Вами сделано avec poids et mesure¹². Еще раз очень прошу Вас при случае ознакомиться с находкой и кстати узнать, что они намерены с ней делать в дальнейшем. Тут как-то по поводу «истории» с рукописью я писал В. В. Струве¹³... (906, 110)

27 февраля 1938 г. Старая Русса.

В ответ на мое письмо на имя Василия Васильевича я получил официальное уведомление, что моя рукопись нашлась. Оказывается она была положена Скачковым в такое место, где могла быть не обнаружена в продолжение нескольких лет. Виновником этой «волокуты и безобразия» оказался Скачков. Далее сообщают, что «рукопись сдана на окончательный отзыв специалисту»... Рукопись намечена к изданию в 1938 году...

¹⁰ Имеется в виду Александр Николаевич Самойлович (1880—1938) — действительный член АН СССР, тюрколог, в 1934—1937 гг. директор ИВАН. 2 октября 1937 г. был арестован и 13 февраля 1938 г. расстрелян. См.: Люди и судьбы... 340.

¹¹ Не ручаясь за достоверность.

¹² Осмотрительно.

¹³ Струве Василий Васильевич (1889—1965) — действительный член АН СССР, историк Древнего Востока, научный сотрудник ИВАН, в 1941—1950 гг. директор Института.

Терпеливо жду «окончательного отзыва специалиста»; очевидно под последним надо разуть А. Ю. Якубовского¹⁴. (906, 112)

Крачковский, 14 марта 1938 г. Ленинград.

Рукопись Ваша несомненно нашлась, по моим сведениям, просто в запертом ящике у директора. Скачков, может быть, и не при чем, но валить на него можно как на мертвого. О печати ее подумывают, но на рассмотрении она, конечно, не у Якубовского, а у кого-то из бесчисленных политредакторов. (36, 8)

Умняков, 19 марта 1938 г. Старая Русса.

Спасибо за сообщение сведений о моей работе. Ваша фраза о Скачкове меня несколько удивила, так как в письме секретаря ИВАН'а определенно сказано, что рукопись была обнаружена после соответствующего нажима на Скачкова, который указал, где она хранилась. (906, 114)

Крачковский, 13 апреля 1938 г. Ленинград.

Сегодня на заседании Ученого совета ИВ заведующий издательством т. Артемов сообщил, что рецензент Вашей «Библиографии» отзыв представил (приватным образом я знаю, что таковым был Мочанов, бывший заведующий издательством). Ответственным редактором на заседании утвержден Павел Петрович Иванов. Теперь пойдут всякие «согласования», но все же шаг вперед есть. (36, 11)

Умняков, 19 апреля 1938 г. Старая Русса.

Очень Вам благодарен за сообщение о продвижении моей библиографии к печати. Из Вашего письма усматриваю, что рецензент дал благоприятный отзыв о моей работе... После майских праздников собираюсь приехать в Ленинград: специально еще раз просмотреть мою работу и внести некоторые дополнения, а также ознакомиться, если возможно, с замечаниями рецензента. (906, 117)

6 мая 1939 г. Ростов.

В конце марта послал заказное письмо на имя Баранникова¹⁵ по вопросу о судьбе моей злосчастной рукописи с просьбой сообщить, будет ли она напечатана; в противном случае просил вернуть. Мне казалось, что положение обязывает известить, но там, повидимому, на это смотрят иначе. Когда буду в Москве, хочу весь вопрос осветить в АН. Может быть Вы мне укажете, к кому лучше всего обратиться... (906, 138)

¹⁴ Якубовский Александр Юрьевич (1886—1953) — историк Средней Азии, Ирана, арабских стран, научный сотрудник Института Истории материальной культуры.

¹⁵ Баранников Алексей Петрович (1890—1952) — индолог, научный сотрудник ИВАН, в 1938—1940 гг. директор Института.

Крачковский, 12 мая 1939 г. Ленинград.

Насчет библиографии Бартольда лучше всего говорить, конечно, с Дебориним¹⁶; он все-таки может иметь об этом представление. Печатание в Академии по нашим отделениям вообще в полном тупике. (36, 29)

Умняков, 15 мая 1939 г. Ростов.

На днях получил, наконец, ответ из ИВАН'а на мое мартовское письмо. Пишут, что «Библиография» в июне будет обсуждаться на историческом секторе, где и будет решен вопрос о дальнейшем движении работы и заключении со мной соответствующего договора. Не знаю, надо ли рассматривать этот ответ как простую дипломатическую отписку и опять бесконечную волокиту или что с появлением у власти новых лиц можно ожидать действительно движения. (906, 140)

Крачковский, 25 июня 1939 г. Ленинград.

Так как Ваше письмо пришло в день Совета ИВ, то это дало мне повод сделать еще раз скандал по поводу Вашей библиографии... В результате поручено мне и П. П. Иванову доложить о ней на историческом секторе. За нами бы, конечно, остановки не было, но сомневаюсь, чтобы после 1 июля сектор удалось собрать. В пылу обмена мнений выяснились пикантные подробности: по намекам нынешнего заведующего издательством Артемова существует три (!) отрицательных рецензии на работу; из других намеков догадываюсь, что они принадлежат Мочанову, Пономареву и Волину¹⁷. Не знаю, удастся ли их получить, чтобы посмотреть, что там написано. Любопытно было бы! (36, 31)

Умняков, 28 июня 1939 г. Ростов.

Крепко жму Вашу руку за учиненный Вами в Совете ИВ скандал по поводу моей библиографии. Если книга когда-нибудь появится в свет в издательстве ИВ, я этим буду обязан всецело только Вам. Сообщенные Вами некоторые подробности по этому вопросу не могли меня не задеть. Конечно, не мне судить о достоинствах и недостатках моей работы... Всякие полезные для дела замечания объективных рецензентов я готов принять с большой благодарностью. Из Вашего же письма я усматриваю, что вокруг моей работы ведется какая-то интрига. Повидимому, в ИВ нашлись лица, продолжатели дела Скачкова, которые задались целью во что бы то ни стало не допустить работу к печати. Вероятно, они решили так или иначе доконать меня. Всякому свойственно иметь свою точку зрения на предмет. С одним только я никак не могу согласиться. Почему эти лица не выступят открыто? По-моему, говорить намеками, вероятно

¹⁶ Деборин Абрам Моисеевич (1881—1963) — в 1935—1945 гг. член Президиума АН СССР, академик-секретарь Отделения общественных наук.

¹⁷ Волин Семен Львович (1909—1943) — арабист, научный сотрудник ИВАН.

не без иронии, не договаривать всего того, что могли бы сказать, когда их об этом спрашивают, нечестно. Администрация же, коей в конечном счете принадлежит последнее слово, в лучшем случае играет роль Пилата, вероятно, памятуя мое прошлое... (906, 141)

6 августа 1939 г. Самарканд.

В Ташкенте ... вел беседу с председателем Комитета наук Исламовым (произвел на меня выгодное впечатление) об издании некоторых моих статей. Он слышал о составленной мною библиографии работ В. В. Бартольда и ею заинтересовался. Я не скрыл от него «историю» с этой рукописью. Он предложил мне запросить ИВ, будет ли эта рукопись издаваться в ближайшее время и в случае отрицательного ответа Комитет наук сам запросит ее для издания в Ташкенте. Со времени сдачи рукописи прошло более трех лет и я как автор имею право затребовать ее обратно... (906, 145)

Крачковский, 22 августа 1939 г. Ленинград.

Если о Вашей библиографии пришлют запрос, я думаю, что будет только полезно. Я постараюсь сделать о ней доклад в первом же заседании Ученого Совета, но подтолкнуть всегда полезно. (36, 33)

Умняков, 12 декабря 1939 г. Самарканд.

В ноябре имел письмо от П. П. Иванова из санатория. В нем он, между прочим, писал, что в октябре должно было состояться Ваше сообщение о моей злополучной рукописи. В вашем последнем письме Вы об этом не упоминали. Вероятно, Ваше сообщение не состоялось. Четвертый год лежит рукопись без движения. Я просил Институт ее мне вернуть, но ответа не получил. Может быть, Вы мне посоветуете что-нибудь в этом деле. (906, 152)

28 декабря 1939 г. Самарканд.

Сегодня получил письмо из ИВАН'а по поводу моей рукописи. Мне предложено организовать здесь ее перепечатку и дополнить согласно выраженных Вами пожеланий. Сегодня же написал им ответ. Я готов ее здесь переработать, руководствуясь Вашими замечаниями, которые Институт мне вышлет вместе с рукописью. Я воспользовался их запросом и прошу дать мне гарантии, что рукопись будет наконец напечатана в 1940 г. Я пишу им, что если таковой гарантии они дать мне не могут, я не буду считать себя связанным с Институтом; в том и другом случае прошу рукопись мне переслать. Прошу их прислать мне также все положительные и отрицательные отзывы о моей работе. Если в запросе ИВАН'а надо усматривать некоторый сдвиг, то этим я исключительно обязан Вам. Большое спасибо за все. (906, 154)

Крачковский, 5 января 1940 г. Ленинград.

Если получите неподчищенную стенограмму того заседания Ученого совета, на котором я делал сообщение о Вашей библиографии, увидите, что

единственное в сущности мое пожелание сводилось к некоторому расширению указателей; все же прочее было занято разоблачением шулерского, на мой взгляд, отзыва Волина — единственного, который был у меня в руках. Хорошо было бы, если бы и Вам удалось на него взглянуть. Кому принадлежали два других и были ли они в письменной форме — от меня осталось скрытым (подозреваю, что это Мочанов и Пономарев). Волин на заседание, конечно, не явился, так как открыто выступить было трудно; отсутствовал и П. П. Иванов, находившийся в санатории. Мне кажется, что «страха ради иудейского» он здесь несколько лавирует. Я формулировал, что так как работу для типографии надо переписать, а машинописная копия требует тщательной проверки, то лучше всего это сделать под наблюдением автора, который заодно может просмотреть и карандашные пометки, сделанные многочисленными рецензентами, чтобы судить, стоит ли обращать на них внимание. Я, конечно, уверен, что и после этого решения клика будет подпольно действовать, вероятно, стараясь распропагандировать политредакторов в академическом издательстве. Для дела было бы, вероятно, проще, если бы работу печатала не Академия, но если она останется здесь, мое мнение, конечно, будет прежним. (36, 38)

В архиве И. Ю. Крачковского сохранился карандашный набросок тезисов его выступления на упомянутом в письме заседании Ученого Совета. Характеризуя работу И. И. Умнякова, он отмечает, прежде всего, огромный объем проделанного труда: 320 рукописных страниц охватывают 689 работ В. В. Бартольда, из них 273 — энциклопедические статьи, и это не просто перечень названий: помимо обычных библиографических сведений, при каждом произведении указаны рецензии, отзывы, рефераты, дополнения, сделанные впоследствии Бартольдом, переводы, извлечения, содержание работы и выводы автора, а также описанные им в статье рукописи. Помимо представления о той или иной работе Бартольда интересующийся получит материал по всей ее истории после напечатания.

В то же время, продолжает И. Ю. Крачковский, Издательство АН на его вопрос о том, не будет ли десятилетие со дня смерти Бартольда отмечено изданием библиографии его трудов, ответило, что на Библиографию, составленную И. И. Умняковым, имеется три отрицательных отзыва, почему она и лежит без движения с 1936 г. И далее И. Ю. Крачковский посвящает свою речь разбору одного из трех отзывов, единственного, который попал в его руки и который он окрестил шулерским.

И. Ю. указывает на обычные приемы, которые применяются в такого рода рецензиях: дискредитация автора еще до разбора самой работы, неточная передача его слов, приписывание ему не того, что он говорит на самом деле, а совершенно обратного и т.п. (к сожалению, в тезисах нет конкретных примеров, которые И. Ю. приводил в своем выступлении).

Наиболее резкие возражения рецензента вызвали аннотации, в первую очередь их подробность, особенно, когда дело касается малоизвестных работ, изложение в аннотациях полемики Бартольда с другими учеными, а главное — цитирование (без всякой критики!) бартольдовских формулировок и выводов, страдающих «буржуазностью и идеалистичностью».

Рецензия С. Л. Волина, включает Крачковский, представляет собой «беспомощное и убогое копание в работе всей жизни действительно великого ученого». И при таком отношении к его наследию, продолжает он, «у меня нет никакого настроения думать об ознаменовании его памяти, потому что все начинания опять будут захватаны людьми без всякого кругозора». Однако, заканчивает он свое выступление выводом о необходимости, несмотря ни на что, публикации библиографии, составленной И. И. Умняковым. (Оп. 1, ед. хран. 420, лл. 1–4)

Но дело продолжало тянуться.

Умняков, 17 января 1940 г. Самарканд.

Ваше крепкое слово по поводу отзыва Волина удивило меня, привыкшего ко всяким неожиданностям. Едва ли администрация Института рискнет послать мне стенограмму заседания. Рукописи своей я еще из Института не получил... Никак не могу понять, почему моя работа была так враждебно встречена некоторыми сотрудниками Института. Чего собственно они от меня хотят? Более всего меня удивляет позиция администрации, в конечном счете решающее слово остается за ней. Было бы более честно заявить мне в свое время открыто, что работа не отвечает нашим установкам, и рукопись своевременно вернуть автору. Может быть твердая позиция, занятая Вами в этом деле, мешает им действовать напрямик... Еще раз Вас искренне благодарю за хлопоты, мне досадно, что Вам приходится тратить ценное время на чтение и разоблачение недобросовестных отзывов Волиных и К°. (906, 155)

Крачковский, 6 февраля 1940 г. Ленинград.

Работу Вашу Институт все еще собирается послать, им теперь боязно, что получив, Вы ее не вернете, а в данный момент печатать им повидимому хочется. Отзыв Волина послать, вероятно, зорно. (36, 40)

Умняков, 23 февраля 1940 г. Самарканд.

Вчера получил свою рукопись из Института с письмом дирекции. Из письма этого усматриваю, что Институт действительно намерен издать работу в связи с десятилетием со дня смерти В. В. Бартольда; не позже 14 февраля обещают выслать материалы, связанные с этой рукописью (вероятно, протокол заседания Совета), но я их еще не получил. Просматривая рукопись, я обратил внимание на множество вопросительных знаков на полях. Удивительно, что эти знаки фигурируют даже там, где я цитирую собственные слова Бартольда. Я не знаю, кому принадлежат эти знаки вопроса. У меня создалось впечатление, что лицо, столь обильно

снабдившее рукопись этими знаками, усматривало в собственных словах Бартольда и в его мыслях в моей передаче какую-то крамолу или нечто подобное. Любопытно, что дважды встречающееся в рукописи имя Самойловича сугубо подчеркнуто с вопросительным и восклицательным знаками¹⁸. Я не собираюсь эту фамилию, как и многое другое вычеркивать. Если Бартольд дважды давал отзыв о научной деятельности Александра Николаевича, то имею ли я право эти отзывы исключить из числа его работ? Я полагаю, что нет. Все Ваши замечания с благодарностью будут мною учтены. (906, 158)

Крачковский, 12 марта 1940 г. Ленинград.

Не знаю, послали ли Вам наконец стенограмму заседания; ее так усиленно чистили, что вероятно в конце концов ничего нельзя будет понять. Вы правы, догадываясь, что пометки на полях Вашей рукописи принадлежат рецензентам; в большинстве я узнаю почерк Волина, но другие мне неведомы. Также Вы правы, что существует тенденция просеять слова Бартольда и его работы, выбрав только те, которые, по мнению рецензентов, являются приемлемыми. (36, 42)

Умняков, 12 марта 1940 г. Самарканд.

Вчера получил из ИВАН'а две рецензии на мою работу (Волина и Мочанова) и выписку из стенограммы заседания Ученого совета ИВАН от 3 ноября 1939 г. с Вашим выступлением... Сегодня же написал большое ответное письмо на имя ученого секретаря. К сожалению, стенограмма и рецензии высланы мне в извлечении, поэтому при чтении не все было для меня ясно. Искренне Вас благодарю за разоблачение Волина; даже в извлечениях его рецензия говорит не в его пользу, а его некоторые приемы вполне достойны Вашего определения. Для меня теперь ясно, что после Вашего откровенного выступления у дирекции наступил перелом и они решились выпустить работу в свет... (906, 160)

16 мая 1940 г. Самарканд.

Сейчас сижу в свободные часы над редактированием и перепиской библиографии. Дело с перепиской долго тормозилось из-за отсутствия бумаги; теперь с трудом ее достал. В течение июня предполагаю рукопись выслать в Институт. Я далеко не уверен, что моя работа появится в свет в издании Академии наук даже после официального извещения Института. (906, 165)

4 октября 1940 г. Самарканд.

В Москве прожил больше трех недель, где много времени ушло на составление указателей... Я руководствовался Вашими советами. В Ленинграде при свидании с представителями дирекции ИВ осторожно на-

¹⁸ См. прим. 10.

мекали на желательность нового сокращения, на которое я не согласился. Этот вопрос тоже остался нерешенным. В каком положении вопрос с печатанием библиографии, я не знаю. (906, 167)

Крачковский, 14 октября 1940 г. Ленинград.

«Библиографию» Вашу мне показывали с просьбой просмотреть; я заверил, что считаю ее готовой к печати. Какие будут дальше темпы, Аллах ведает.

11 ноября 1940 г. Ленинград.

«Библиографию» Бартольда усиленно «вычитывает» техред; боюсь, что если они будут переписывать после этого еще раз, много напутают без присмотра. (36, 48)

Умняков, 6 декабря 1940 г. Самарканд.

С момента моего отъезда из Ленинграда (август) я ничего из ИВАН'а не имею. Дирекция хотела напечатать «Библиографию» в IV квартале, но очевидно печатание откладывают на неопределенное время. Вероятно, после «вычитывания» моей работы техническим редактором я многое в ней не увижу. Кто же в конце концов утвержден ответственным редактором? П. П. Иванов упорно молчит, хотя сам выразил желание быть посредником между автором и дирекцией Института. Да, нелегко печатают работы в академических издательствах! (906, 170)

11 мая 1941 г. Самарканд.

С чувством удовлетворения получил я еще в марте первые корректурные листы Библиографии Бартольда. Немало времени ушло на их чтение и правку. Не так давно получил письмо от М. С. Иванова¹⁹ (лично его не знаю), который, повидимому, имеет отношение к издающейся библиографии, с некоторыми вопросами технического характера. Не без Вашего, конечно, содействия библиография печатается без всяких изменений. Обещали выслать вторую корректуру. Неизвестно мне, кто же является ответственным редактором моей работы.

Позвольте Вас еще раз искренне поблагодарить за Ваше содействие, благодаря которому моя работа, кажется, появится, наконец, в свет. (906, 175)

Крачковский, 18 мая 1941 г. Ленинград.

О движении «Библиографии» я имею представление; одно время меня даже просили быть ответственным редактором. Я согласился, но с тем условием, что моя фамилия не будет фигурировать на титульном листе, дабы не приписывать себе чужих заслуг. На это, повидимому, согласились и даже несколько раз заставляли писать всякие аннотации, но потом все это затихло и шло помимо меня. Вероятно, нашли другого редактора, может

¹⁹ Иванов Михаил Сергеевич (1909—1986) — историк Ирана, научный сотрудник Института Истории АН СССР.

быть, того же самого Михаила Сергеевича Иванова, который, конечно, подставное лицо. Важно то, что работа выйдет. (36, 54)

Здесь в переписке наступает перерыв, вызванный войной и блокадой Ленинграда. Диалог возобновляется только в 1942 г., когда И. Ю. Крачковский, вынужденный покинуть блокированный город и переехать в Москву, мог снова включиться в переговоры о печатании многострадальной Библиографии.

Умняков, 13 сентября 1942 г. Самарканд.

В Ташкенте я показывал В. В. Струве и другим корректурный экземпляр «Библиографии трудов В. В. Бартольда». В связи с тем, что ИВАН перенес свою деятельность в Ташкент, я в беседе с В. В. Струве поднял вопрос об издании этой работы в Ташкенте. В. В. Струве отнесся к этому весьма сочувственно и обещал полную поддержку со своей стороны, и поскольку ответственным редактором этого издания является Вы, он предложил мне по данному вопросу снести с Вами... Не откажите в любезности, дорогой И. Ю., сообщить мне Ваши соображения... Я лично мало питаю надежды на сохранение матриц этого издания в Ленинграде. (906, 182)

Крачковский, 8 октября 1942 г. Москва.

На днях буду писать В. В. Струве с поддержкой печатания «Библиографии В. В. Бартольда» в Ташкенте. Не знаю, как это осуществимо технически, если набор и матрицы (буде таковые сделаны) в Ленинграде. Делать новый набор? (36, 68)

14 декабря 1942 г. Москва.

Получил открытку В. В. Струве из Свердловска, который, между прочим, пишет, что «книгу И. И. Умнякова о В. В. Бартольде мы постараемся реализовать». Дай то Аллах! (36, 59)

Снова перерыв в переписке — очевидно, в военные годы невозможно было предпринять реальные шаги к изданию Библиографии. Переписка возобновилась летом 1945 г.; к сожалению, письма И. Ю. за 1945—46 гг. не сохранились.

Умняков, 2 июня 1945 г. Самарканд.

Вашу телеграмму с извещением о получении Вами моих дополнений к «Библиографии» я давно получил, но обещанное письмо от Вас до меня не дошло... Имеется ли какая-нибудь надежда увидеть в печати эту работу, насчитывающую почти десять лет давности? (906, 189)

12 августа 1945 г. Самарканд.

Весьма Вам благодарен за сообщение о положении с печатанием «Библиографии». Присланный мне в начале войны покойным П. П. Ивановым оттиск оказался почти без опечаток. Опираясь на него, я и сделал свои дополнения, ссылаясь на старый этот оттиск. П. П. тогда мне писал, что другой такой же оттиск находился в типографии АН...

Мне не хотелось бы, чтобы подготовка к печати «Библиографии» отняла у Вас слишком много времени и труда. Нельзя ли будет для облегчения работы выслать мне новый оттиск для личной проверки? (906, 190)

17 сентября 1945 г. Самарканд.

В своем письме от 12 августа я высказал опасение о возможной пропаже в Издательстве оттиска, с которого была сделана матрица. Неужели матрица моей работы сделана по неисправленной корректуре? Если это так, то вся проделанная работа сводится к нулю. (906, 192)

22 июля 1946 г. Самарканд.

Ваши письма от 24 и 28 июня вселили мне надежду, что работа, посвященная неутомимой деятельности выдающегося нашего востоковеда, когда-нибудь в муках появится на свет. Этим я буду обязан исключительно Вам, Вашей энергии и настойчивости. В моем предисловии мне хотелось бы это отметить. Указанные там даты придется опять изменять.

По понятной причине мне, конечно, не хотелось бы, чтобы работа, пролежавшая в рукописи лет десять и пережившая в стенах ИВАН'а, как Вы знаете, немало «историй», в конечном счете вышла бы в свет в виде какого-нибудь гибрида. Чем дольше она будет лежать под спудом, тем больше будет возникать затруднений в процессе ее печатания. Дополнения все растут и растут и, разумеется, составитель, живя вдали от центральных библиотек, лишен возможности даже по каталогам следить за всеми новинками... Мне кажется, что и при наличии матриц, поврежденных во время блокады, лучше было бы дать новый набор. Однако, Вам на месте виднее, как выйти из создавшегося нелегкого положения. Мне кажется лишь одно: книга, посвященная работам Бартольда, должна быть достойна его имени. (906, 194)

29 января 1947 г. Самарканд.

... прошу Вас не отказать в любезности написать мне, есть ли какая-нибудь надежда на появление в свет библиографии трудов Бартольда? (906, 196)

Крачковский, 24 февраля 1947 г. Ленинград.

С Вашей библиографией дело движется мало отчасти потому, что я не могу из-за всяких дел целиком в нее погрузиться. Издательство все предлагает отпечатать по матрицам, но я на это не могу сам решиться. В таком случае все дополнения надо давать новым набором в конце и значит надо к ним отдельно давать второй указатель, что для пользования совсем мало удобно. Кроме того, матрицы от всяких переносов за блокадные годы и постирались, и поотбивались, так что оттиски будут плохие. Я в конце концов думаю, что самое полезное было бы приехать Вам сюда на несколько времени, если даже и не для того, чтобы провести печатание при себе, то хотя бы решить все эти вопросы совместно с Институтом. Иначе на мой взгляд все это будет оттягиваться *ad*

*инфинитум*²⁰. Технических же вопросов встает столько, что я на свой страх не решаюсь их решить окончательно. Издательство на мой взгляд стремится спихнуть это в виде матриц. Конечно, новое печатание можно провести только с согласия Президиума, но в таком исключительном случае, думаю, можно будет этого добиться. (36, 63)

Умняков, 17 марта 1947 г. Самарканд.

Спасибо Вам за информацию о положении дела с печатанием библиографии трудов Бартольда. Из Вашего любезного письма я усматриваю, что дело здесь весьма сложное. Без Вашего авторитетного содействия оно почти обречено на неудачу... Нельзя ли будет устроить мне вызов в Ленинград в ИВ для выяснения ряда вопросов в связи с печатанием моей книги? (906, 199)

Крачковский, 28 апреля 1947 г. Ленинград.

Директор В.В.Струве все хворает, но я говорил с Боровковым, который ныне является заместителем директора, и Тихоновым²¹ — ученым секретарем, от коих по существу это и зависит. Оба они обещали мне вызов послать, так что, надеюсь, это и сделают. (36, 65)

Умняков, 2 мая 1947 г. (телеграмма) Самарканд.

Телеграмма из Института ректором получена июне надеюсь быть Ленинграде. (906, 203)

7 сентября 1947 г. Самарканд.

По поводу издания моей книги о Бартольде я имел беседу с В. В. Струве и А. К. Боровковым. Дирекция Института, повидимому, была не совсем точно осведомлена о размере моей работы, так как по данным Александра Константиновича ее листаж был определен в 6 печатных листов. Далее в типографии выяснили, что матрицы моей работы не сохранились. Это обстоятельство, по словам А. К., дает Институту право вновь поднять перед Президиумом вопрос о новом наборе. Я условился с тов. Боровковым представить рукопись с моими дополнениями к марту 1948 г. с тем, чтобы проверить ее к печати во II квартале 1948 г. (906, 206)

30 ноября 1947 г. (телеграмма) Самарканд.

Корректурный оттиск дополнениями получил, искренне благодарю. (906, 207)

5 декабря 1947 г. Самарканд.

Мою телеграмму Вы вероятно получили. Еще раз благодарю Вас за присылку корректурных листов с дополнениями Вашими и моими. В ре-

²⁰ До бесконечности (лат.).

²¹ Тихонов Дмитрий Иванович (1909—1986) — историк Дальнего Востока, научный сотрудник ИВАН СССР.

зультате внимательного просмотра Ваших ценных добавлений у меня возникли следующие вопросы²²...

Очень Вам благодарен за внимательное чтение имевшегося у Вас корректурного экземпляра. Это отняло у Вас немало ценного времени. (906, 208)

1 марта 1948 г. Самарканд.

Я полагаю, что, будучи в Ленинграде, сумею в личной беседе с Вами выяснить некоторые вопросы в связи с подготовленной мною библиографией трудов Бартольда. Сегодня написал А. К. Боровкову письмо с извещением, что рукопись этой работы я едва ли сумею послать в Институт раньше июня месяца. Срок представления был обусловлен мартом. Всякого рода срочные университетские дела и педагогическая загруженность не дали мне времени закончить работу в установленный срок. (906, 214)

4 июля 1948 г. Самарканд.

Особенно меня удивило Ваше сообщение, что печатание библиографии Ваших трудов тоже вызывает ряд сомнений. Теряюсь в догадках. Получив Ваше письмо, я стал сомневаться в целесообразности подготовки к печати Библиографии трудов Бартольда. Я хорошо помню длинную «историю» этого дела. Теперь установки другие, чем 10 лет назад. Скажу откровенно, что к этой работе я несколько охладел. В. В. Бартольд заслужил, чтобы о нем писали книги. Не критики я боюсь, а нечто другое. 10 лет ИВАН мариновал мою работу. Теперь Институт торопит с представлением работы в дополненном виде... В апреле А. К. Боровков просил меня поторопиться завершить ее к июню. Текущие срочные дела не дали мне возможности это сделать. Посоветуйте, дорогой И. Ю., стоит ли вообще представлять ее в Институт. Боюсь, что и она вызовет в высших слоях ряд возражений, а переделывать ее заново у меня нет ни времени, ни охоты. (906, 217–218)

6 августа 1948 г. Самарканд.

После получения Вашего письма²³ вопрос с библиографией В. В. Бартольда для меня еще больше осложнился. С одной стороны, мне хотелось бы довести дело, на которое я истратил много времени и труда, до желанного конца, но, с другой стороны, я никак не могу согласиться на изъятие упоминаемых в библиографии некоторых лиц. Если я на это пойду, меня легко могут упрекнуть в неполноте привлеченной литературы. «Критической оценки» я давать не собираюсь. Считаю, что она могла бы быть предметом особой работы, которую в данное время по многим причинам

²² Далее следуют 7 страниц вопросов по Библиографии, носящих частный характер.

²³ Упомянутое письмо И. Ю. Крачковского не сохранилось.

брать на себя не хочу. Перечитывая старые стенограммы выступлений моих критиков, я при нынешней ситуации, пожалуй, буду вынужден отказаться от аннотаций работ В. В., которые, однако, при всем их несовершенстве, могут быть полезны читателю. Переделывать же работу коренным образом у меня нет ни времени, ни особого желания. Если же будут на этом настаивать, придется вовсе отказаться от ее публикации. Ждал я десять лет, подожду еще некоторое время, может быть обстоятельства изменятся. (906, 220–221)

13 ноября 1948 г. Самарканд.

На этих днях написал письмо В. В. Струве с просьбой сообщить в частном порядке, можно ли рассчитывать на появление в свет злосчастной библиографии В.В.Бартольда. (906, 224)

20 января 1949 г. Самарканд.

Поразило меня Ваше сообщение о «реформе» ИВАН²⁴. Теперь, в связи с ликвидацией Института как отдельного учреждения и его слиянием с Тихоокеанским институтом в Москве, вопрос о печатании книги о Бартольде отодвигается, повидимому, на долгий срок. Какой-то злой рок в течение ряда лет тяготеет над этим изданием. Теперь я даже не знаю, с кем вести разговор по этому вопросу. (906, 227)

15 июня 1949 г. Самарканд.

После всяких дискуссий²⁵ вероятно надолго, если не навсегда, придется отложить печатание моей работы о Бартольде. Таджики мне заявили, что они постоянно защищали и будут защищать Бартольда, отдавая ему должное по заслугам; иного мнения держатся узбеки, обвиняя его во всяких «панах». (906, 232об)

Прошло еще восемь лет. После разоблачения культа личности Сталина на XX съезде КПСС обстоятельства действительно изменились, и уже в 1957 г. встал вопрос об издании собрания сочинений В. В. Бартольда; проспект его, кстати, был составлен именно на основании Библиографии Умнякова.

²⁴ Согласно постановлению Президиума АН СССР от 27 ноября 1948 г. «в целях коренного улучшения научной работы» ИВАН был переведен из Ленинграда в Москву, слит с Московской группой ИВАН и Тихоокеанским институтом. В Ленинграде остались лишь Рукописный отдел, большая часть библиотеки и несколько кабинетов с сильно сокращенным штатом сотрудников.

²⁵ Подробно о дискуссии, начатой в январе 1949 г. статьями Л. И. Климовича в «Литературной газете» и направленной против крупнейших востоковедов (И. Ю. Крачковского, А. А. Фреймана, Е. Э. Бертельса и др.), под маркой «борьбы с космополитизмом, низкопоклонством перед Западом и защиты национального достоинства народов Советского Союза» см. А. А. Долинина, Невольник долга (СПб., 1994) 379–390.

Тем не менее, дело с изданием самой Библиографии задержалось еще почти на двадцать лет по причинам, мне не известным. После смерти Игнатия Юлиановича И. И. Умняков продолжал переписываться с В. А. Крачковской и, судя по сохранившимся письмам, в 1957 г. стал в очередной раз пополнять Библиографию новыми сведениями о переизданиях, переводах, ссылках и т. д. 18 июня 1965 г. он сообщает Вере Александровне, что в марте этого года отправил (который уже?!) дополненный и исправленный вариант Библиографии в ИВАН и вновь с благодарностью вспоминает И. Ю. Крачковского (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, фонд 1026, опись 8, ед. хран. 442, л. 63). В это время издание трудов В. В. Бартольда шло полным ходом, к печати готовился том 6. Когда началась редакционно-издательская подготовка книги Умнякова и сколько она длилась, трудно сказать. Судя по выходным данным, книга была сдана в набор 24 июня 1973 г., подписана к печати 12 мая 1976 г., но когда она, наконец, вышла в свет, имя автора было заключено в траурную рамку: И. И. Умняков скончался 21 февраля 1976 г. на восемьдесят шестом году жизни, так и не дождавшись появления самой главной своей работы, рукопись которой, напомним, в первом варианте попала в издательство за сорок лет до того.

Ирония судьбы: сорок лет — сакраментальный арабский срок...